

Владимир Фёдорович Одоевский

Смерть и жизнь



Владимир Одоевский
Смерть и жизнь

«Public Domain»

1827

Одоевский В. Ф.

Смерть и жизнь / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1827

«Пламень кипел по жилам моим, огненные розы сжигали сердце, глава тихо клонилась... Вдруг порывисто звукнули струны, потухли розы...»

© Одоевский В. Ф., 1827

© Public Domain, 1827

Владимир Федорович Одоевский

Смерть и жизнь

На стене моей висит рисунок, снимок с славной картины Гвидо¹, изображающей любовь, человеческий череп и розы. Меня всегда поражала эта картина: соединение предметов, по-видимому столь несовместных, возбуждало во мне бесконечные ряды размышлений.

День уже клонился к вечеру; умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом коло-кола, темнота разлилась по моей уединенной келье; глаза невольно устремились на картину Гвидову; сумрак претворял ее в различные, переменяющиеся призраки, которые то являлись, то исчезали.

Протекло несколько мгновений, и мне показалось, что изображения рисунка от стены отделились и келья моя развилась в бесконечное пространство, светлое, беспредметное, бесцветное.

В сладком сне Кифарид покоился у меня в объятиях, русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбаются; огненные розы вились вокруг нас и неприметно – сливались с его огненными ланитами; небрежно рука сына Кипридина покоилась на лире, и от струн ее неслися в воздух неопределенные волшебные звуки.

Пламень кипел по жилам моим, огненные розы сжигали сердце, глава тихо клонилась... Вдруг порывисто звукнули струны, потухли розы; взглядываю на Кифарида – он будто силится раскрыть глаза свои – и вдруг на их месте является ужасная впадина; лицо его – безобразный череп, – на обнаженных челюстях казалось еще не исчезла улыбка...

Я затрепетал... снова тихо забряцали струны, и снова загорелись розы, и снова лицо Кифарида им уподобилось... Еще мгновение – та же перемена, тот же ужас!

И, казалось мне, протекли бесчисленные мириады веков – и Кифарид ежесекундно то являлся в образе хладного скелета, то расцветал с пламенными розами... Мало-помалу я привык к сему явлению, холод скелета похищал излишний огонь из ланит Кифаридовых, пламень роз сына Кипридина разливал какую-то прелесть на безобразном черепе, трепет не потрясал более членов моих, сердце пламенело, но не сжигалось; – я ощущал тихую теплоту – блаженство, незнакомое смертным, – вечная любовь согревала меня!

Стремится мечтатель за огненную розою наслаждений, – жизнь его прикована к жизни розы, он живет и умирает вместе с нею – то горит бурно, порывисто, то вдруг хладеет, как пепел. Лишь вдохновенный веч-ною любовью не знаком ни с палящим огнем, ни с умерщвляющим хладом: печаль его не различить с улыбкою, и простолюдины, по какому-то невольному чувству, жизнь его называют живою смертию.

¹ У Гвидо нет такого сюжета. Между тем произведение, о котором идет речь у Одоевского и которое приписывается им Гвидо, хорошо известно. Это гравюра, а вернее – одна из двух различающихся лишь незначительными деталями гравюр Хендрика Голшюса (1558–1617). – *Прим. М. И. Медового.*